

Сазонова Людмила Алексеевна, Коваленко Светлана Витальевна

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА ОСНОВЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА)

Статья раскрывает понятие гендерных стереотипов в контексте русской ментальности. Гендерные стереотипы формируются в обществе под воздействием социокультурных факторов. Механизм воздействия на человека выступают дискурсивные практики. Особое внимание авторы уделяют влиянию патриархатного дискурса на формирование гендерных стереотипов в русской культуре. В качестве примеров используются архивные материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Российской Федерации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PREPARATION OF BED OF ANGARA RESERVOIRS FOR OPERATION

Ryabov Yurii Vladimirovich
Bratsk State University
thefreshboy@rocketmail.com

In the article the complex of measures on the preparation of the bed of Angara reservoirs for operation is considered. Information on deforestation and sanitary purification is given, the progress and specificity of the works are shown. The analysis of the taken measures on the preparation of the bed shows that the slow paces of deforestation were caused by the breach of technical specifications and the irrational use of technical facilities. Sanitary purification as a whole was made satisfactorily.

Key words and phrases: Irkutsk Hydroelectric Power Station; Bratsk Hydroelectric Power Station; Ust-Ilimsk Hydroelectric Power Station; reservoirs; history; local history.

УДК 316.4.051

Философские науки

Статья раскрывает понятие гендерных стереотипов в контексте русской ментальности. Гендерные стереотипы формируются в обществе под воздействием социокультурных факторов. Механизмом воздействия на человека выступают дискурсивные практики. Особое внимание авторы уделяют влиянию патриархального дискурса на формирование гендерных стереотипов в русской культуре. В качестве примеров используются архивные материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова и фразы: гендерные стереотипы; русская ментальность; русская культура; патриархатный дискурс; женская эмансипация.

Сазонова Людмила Алексеевна, к. филос. н., доцент
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
lyudmila.sazonova@vvsu.ru

Коваленко Светлана Витальевна, к.и.н., доцент
Дальневосточный федеральный университет
oval5@rambler.ru

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА ОСНОВЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА)[©]**

В настоящее время исследование специфики существования гендерных стереотипов в социокультурной российской среде необходимо для глубокого анализа тех процессов, которые происходят в изменении российской ментальности в современной России.

К социальным стереотипам в гендерном контексте относятся упрощенные представления о типах мужчин и женщин (моделях поведения, гендерных ролях, способах идентификации), распространенные в определенной социальной, культурной среде. Формирование патриархатных стереотипных убеждений происходит при помощи воздействия на индивидов дискурсивных практик, формирующих ментальность, конструирующих личность. В семиотике заложены онтологические и аксиологические ориентиры человеческого общества и люди, вовлеченные в дискурсы, оказываются в поле воздействия культурных оценок и предпочтений. Ж. Деррида писал, что, через анализ текстов и речевых оборотов обнажается «бессознательное», которое сложно «схватить» традиционно-логическим путем [Цит. по: 3].

Например, в многочисленных русских пословицах и поговорках есть структуры, которые закладывают ментальные основы отношения к женщине в обществе¹. Таким образом, дискурсы закрепляют половую асимметрию не только семиотически, но и грамматически (например, отсутствие формообразования лиц женского пола). Дискурсы постоянно воспроизводят традиционную дискриминацию по признаку пола в каждом акте общения.

Действительно, анализируя устное народное творчество – сказки, легенды, былины – мы обнаружили, что они утверждали в сознании явным или неявным противопоставлением образы сильных мужчин и страдающих терпеливых женщин. Результатом научного анализа большого эмпирического социокультурного материала, базирующегося на этом разделении, оказывается аксиологическая окрашенность, и как следствие – его дискриминационность: все мужские качества в устном народном творчестве предстают как положительные,

[©] Сазонова Л. А., Коваленко С. В., 2014

¹ Вл. Даль. Собиратель русских пословиц: «Жена без грозы – хуже козы. Люби жену как душу, трясй ее как грушу. Бей жену к обеду, а к ужину опять. Бей жену обухом, приходи да понохай – дышит да морочит – еще хочет. Жена не горшок – не расшибешь. Волос долог – да ум короток. Бабье вранье и на свинье не объедешь. Женское сердце, что ржа в железе».

а женские как ущербные и маргинальные. Таким образом, язык является, прежде всего, воспроизводством отношений власти. Подобные отношения основываются на оппозиционности полов. «Именно язык, причем понятый широко – как коммуникация, то есть принятая в обществе система отношений по поводу передачи или обмена информацией, – закрепляет и воспроизводит в культуре не просто различие полов, а дискриминационное их различие – сексизм» [8].

По мнению многих исследователей, стереотипы закрепляются в сознании человека в процессе познания и выступают своеобразными регуляторами их поведения на бессознательном уровне. Кроме того, социальные стереотипы в гендерном контексте служат своего рода схемами, которые управляют процессами восприятия и анализа информации. Так, в повседневной жизни человек располагает набором упрощенных культурных схем, которые воспринимаются в процессе социализации. Гендерная схема – стереотип восприятия человека по принципу пола – исходит из того, что все люди, принадлежащие к одному полу, должны быть похожи друг на друга, иметь существенное сходство в неких важных аспектах их жизнедеятельности. Именно подобные гендерные схемы используются при осуществлении гендерной дискриминации [15].

В данном исследовании используется типология гендерных стереотипов И. С. Клециной, которая выделяет три основных типа социальных стереотипов в гендерном контексте. К первому типу относятся стереотипы мужественности – женственности, которые, бытуя в массовом сознании, представляют собой абсолютизированные, нормативные представления о психофизиологических и социальных различиях полов. Маскулинность (мужественность) сопоставляется с активно-творческим, культурным началом, а феминность (женственность) – с пассивно-репродуктивным, природным. Феминным (женским) качествам (зависимость, пассивность, эмоциональность, иррациональность мышления и т.д.) иерархически противопоставляются маскулинные качества (доминирование, рациональность, самоуверенность, агрессивность, склонность к логическому мышлению и т.д.) [9, с. 19]. На материале русских пословиц и поговорок, представляющих многовековой социокультурный опыт, можно выявить подобные стереотипные суждения – «без плачу у бабы дело не спорится», «добрая кума живет и без ума» и т.д. [7].

Согласно типологии И. С. Клециной, стереотипы социальных ролей, связанные со стандартизированной общественной оценкой успешности мужчин и женщин, представляют собой второй тип. Подобные стереотипные суждения предписывают мужчинам и женщинам разные социальные роли. Социум определяет успешность / неуспешность мужчины по результатам выполнения профессиональных ролей, женщины – по наличию семьи и детей («жена без мужа – всего хуже», «жена мужем красна») [Там же]. Соответственно, мужчинам предписывается стремиться к профессиональным достижениям, женщинам – к установлению межличностных взаимоотношений [9, с. 19].

Коммуникативная деятельность женщин, хотя и признавалась неотъемлемой частью миропонимания, традиционно подвергалась осуждению – «женщина без разговора, что двор без забора», «завел жену, забудь тишину», «бабий язык, куда ни завались, достанет», «где две бабы, там суем (сейм, сходка), а где три, там содом» [7].

Так, многочисленные примеры («бабе дорога – от печи до порога», «не наряд жену красит – домоустройство» и т.д.) подтверждают доминирование стереотипных представлений о женских социальных ролях [Там же].

По типологии И. С. Клециной, третий тип социальных стереотипов в гендерном контексте обуславливает различия в содержании трудовой деятельности мужчин и женщин. Занятия женщин носят экспрессивный характер, согласно стереотипным установкам, и, следовательно, женщина способна к обслуживанию, и исполнению поручений. Традиционно мужское мышление связано с инструментальными категориями, и поэтому трудовая деятельность мужчин определяется как творческая, созидательная, руководящая.

Представление о полной легитимности доминирования мужчин в публичной и приватной сферах относится к важнейшим стереотипам, свойственным для патриархального дискурса. Подтверждение в многочисленных русских пословицах и поговорках («мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе») также находит стереотипное разделение деятельности по половому признаку. Положение женщин как пассивных исполнительниц, отсутствие у них властных полномочий закреплялось в подобных стереотипных суждениях – «баба, что мешок: что положишь, то и несет» [Там же].

Современными исследователями выявлялось наличие в российском массовом сознании исторически сложившихся стереотипных убеждений, определявших женщину как неполноценное существо, у которого отсутствуют какие-либо способности, в том числе и управленческие [22]. Издавна публичное пространство конструировалось мужчинами, представляющими власть, реализующими традиционное право на управление. Традиция отводила женщине приватную сферу, контуры которой также определялись стереотипами.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что гендерные стереотипы имеют устойчивый характер, длительно сохраняются, крайне трудно преодолеваются, так как имеют онтологические основания в российской ментальности.

Распространение социальных стереотипов в гендерном контексте, являвшихся структурной составляющей российской ментальности, обуславливалось спецификой социализации. Стереотипные убеждения, сформированные при помощи институтов социализации, в целом, определяли феномен женской «самодискриминации». Исследователи указывают, что «такая самодискриминация вовсе не удивительна, ибо классический стереотип женщины и женственности не включает в себя идею лидерства, уверенности в себе, твердости, решительности» [18, с. 25-26].

Примеры практического воплощения изложенных идей являются многочисленными в российской истории. В качестве исследовательского материала для изучения патриархального дискурса в данной работе были

использованы неопубликованные архивные источники по истории советской России в 20-30 гг. XX века, находящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Для выявления онтологических стереотипных установок привлекался конкретный исторический материал, позволяющий осуществить верификацию исследовательской гипотезы.

Основополагающим механизмом, транслирующим гендерные стереотипы при советском тоталитаризме, по мнению исследователей, выступало именно государство, сочетавшее маскулинистское мировоззрение с патриархатным сознанием. [4, с. 240]. Сохранение патриархатных социальных норм в советском обществе, построенном на основе большевистской идеологии, привело к формированию советской гендерной системы – «советского патриархата». Большевиками была осуществлена разработка и реализация не имеющего исторических аналогов тоталитарного проекта эмансипации женщин, сочетающего классовые принципы и патриархатные подходы.

Изучая процессы советской эмансипации, С. Г. Айвазова указывала, что задача «личностного самоосуществления женщины» как основания эмансипации была фактически вытеснена задачей коллективной борьбы женских масс за дело пролетариата [1, с. 153].

И именно транслирование патриархатных стереотипов во многом обусловило скрытую дискриминацию женщин-общественниц в советский период. Советская женщина сталкивалась с проявлением социальных стереотипов в гендерном контексте не только в публичной сфере при попытке реализовать право на участие в управлении, на использование ресурсов власти, но и в приватном пространстве. Руководствуясь многовековыми патриархатными установками, социум, с целью сохранения собственной стабильности и поддержания традиционной системы гендерных ролей, использовал различные методы давления на общественниц.

Ключевые онтологические принципы были заложены, прежде всего, в советской государственной идеологии, определявшей и важнейшие направления государственной женской политики в целом, и процессы формирования и общественного женского лидерства в частности. При внешней декларации свободы женщин, освобождения от угнетения первостепенной задачей большевистского государства являлось построение нового типа гендерной системы, при которой женщины подчинены не мужчинам, а непосредственно государству [4, с. 240].

Практика разрушения патриархатных стереотипов, являвшихся частью миропонимания россиян, являлась важнейшей составляющей тоталитарной политики. Впервые в истории большевиками совершалась своеобразная «гендерная революция», основным результатом которой стало активное вовлечение женщин в общественное строительство. Для этого необходимо было внедрить разнообразные формы женского активизма (лидерства): делегатство, выдвиженчество, депутатство во властных структурах различных уровней, участие в работе народных судов в качестве заседателей [19, с. 18].

Однако при формальной гарантии права женщин на самостоятельное участие в управлении женская активность в целом, и делегатство, в частности, находились под строгим контролем властных структур. В обязанности делегатки вменялось, не активное участие в деятельности управленческих структур, а формальное присутствие на регулярных собраниях и предоставление отчетов.

Патриархатные предрассудки сохранялись и дублировались на уровне организационной среды советских учреждений, определяя консервативный и дискриминационный характер системы должностных назначений и распределения поручений. По свидетельству активисток, им поручались незначительные повторяющиеся задания, которые отличались рутинностью и не вызывали никакого интереса [18, с. 26]. В целом, подобные дистриктивные управленческие практики были направлены на демотивацию общественниц в рамках сохранения гендерных стереотипов.

В «письмах во власть» активисток Надежде Константиновне Крупской, занимавшей пост заместителя наркома просвещения РСФСР в 20-30-х гг. XX века, отмечалось сохранение патриархатных практик – «больше у нас на собраниях разговаривают партийные или малоразвитые, которые задают вопросы не по существу, а остальные боятся открыть рот на собрании» [5, д. 18, л. 166].

Отчеты об участии женщин в выборах советов в 1930-1931 гг. содержат многочисленные свидетельства делегаток о тех трудностях, которые они встречают в своей работе. История делегатки из сибирской деревни Фроленко, которая при назначении председателем сельского совета столкнулась с активным противодействием населения, является типичной.

Как правило, сохранение патриархатных стереотипов обуславливало практику высмеивания и игнорирования женщины-активистки. В ряде случаев это превращалось в основательную «травлю», которую во многих случаях организовывали мужчины. Не проявляя открытого сопротивления решениям советской власти, местные жители, как и в большинстве подобных случаев, использовали насмешки в качестве основного способа давления на активистку – «был бы муж, помял бы раза два бока, не ходила бы, не бездельничала». Именно отсутствие «полноценной семьи», мужа как регулятора патриархатных ценностей обуславливало «неправильность» общественного поведения активисток [Там же, д. 161, л. 70].

Осуществляя очередную попытку привлечь внимание властных структур к проблемам активисток, в 1931 году делегатка Агриппина Николаева из Муром в своем письме в секретариат Н. К. Крупской указывала на сохранение половой дискриминации в общественной и управленческой среде – «конфликты и травля..., и некому помочь, всякий занят своим делом..., сколько самоубийств и убийств женщин..., и лишь после смерти начнутся суды да разговоры» [Там же, д. 18, л. 159, 160 об.]. Подобные проблемы были у большинства активисток практически всех регионов советского государства [16].

В целом дистриктивная риторика является характерным проявлением патриархатного мышления. Негативные высказывания относительно управленческой роли женщины демонстрировали агрессивность социума, его неготовность менять вековые бытийные установки, которые обеспечивали социокультурную стабильность. Сохранение традиционной патриархатной дихотомии «семья, быт – управление, власть» продемонстрировано в распространенном убеждении советских управленцев – «женщина мать – конченный человек для общественной деятельности». Публицистика 20-30 гг. содержала многочисленные истории активисток, подвергавшихся гендерной дискриминации – «с тех пор как я вышла замуж да вот ребенок родился, стали смотреть на меня как на потерянную. Никто не расспросит, не посоветует. Пришла я как-то к агитпрому, говорю, хочется мне учиться, на профкурсы, а он смеется: – Ты что же это, – говорит, – не вовремя ребенка родила, теперь уж какое ученье». Так и отшил шуточками. – Залезла, – говорит, – в семейный хомут, а теперь вырваться хочешь!» [20, с. 52].

Местные административные структуры сводили вовлечение активисток в государственное управление к формальным процедурам, руководствуясь стереотипным представлением об отсутствии у женщин управленческих способностей. Так, анализ многочисленных обращений общественниц к власти показывает сохранение дискриминационного принципа управления – «ты баба и ничего не знаешь, не суй свой нос, куда не следует» (Горно-Алтайский уезд РСФСР) [22, с. 274], «работа среди женщин – жалкая, мелочная и малопрактичная» (Тверская губерния) [13, с. 25].

В качестве основных носителей патриархатных онтологических установок выступали, прежде всего, мужчины, которые считали женщин «аполитичными, неспособными к самостоятельной деятельности». В бытовых практиках многие советские управленцы демонстрировали свою приверженность традиционному патриархатному укладу – «не согласны, что жена будет наравне участвовать в строительстве советской власти» [10, с. 71].

Архивные источники свидетельствуют, что, к примеру, в Ярославской губернии в основе избирательного процесса на уровне Советов находился традиционный дискриминационный принцип – «у бабы волос долог, да ум короток». Выдвижение женщин в сельские Советы сопровождалось различными противоправными действиями – запугиванием, «своеобразными экзаменами с пристрастием», и обобщениями, что женщины не способны выполнять одинаковую работу с мужчинами [2, с. 79].

Софья Николаевна Смидович, одна из руководительниц отдела по работе среди женщин ЦК ВКП(б) (1922-1924 гг.), анализируя десятилетний опыт деятельности работниц и крестьянок в советах отмечала, что именно «огромная косность всего населения по отношению к женщине еще до сих пор препятствует трудящейся женщине выйти из узкого круга домашних забот, в котором она находилась целые века» [16, с. 72]. Она полагала, что именно пренебрежение мужчин, особенно в сельской местности являлось серьезным фактором, препятствующим и процессам эмансипации в целом, и развитию женского лидерства. Софья Николаевна Смидович также приводит в своей работе «Работница и крестьянка в Октябрьской революции» значительное количество примеров, подтверждающих присутствие среди населения отрицательного отношения к общественной деятельности женщин. Так, автор указывает, что «не так-то легко до сих пор еще на 10-м году революции уступает мужская часть населения свое место женщине в органах управления. На последних перевыборах бывали в деревнях случаи, когда мужики приказывали женщинам не ходить на собрания, а на вопрос организатора женщин: почему так мало женщин на собраниях, отвечали: – Чего ей бабе, делать здесь? Ведь хозяйва – то пока еще мы. Нас этого права никто не лишал. Хожу на собрания и выбираю кого мне нужно, кто больше пользы для моего хозяйства может сделать. А баба еще, пожалуй, вздумает против меня пойти, что то да с ней сделать? Бить? Но, говорят, бить баб теперь нельзя. Вот я и не велел ей ходить» [Там же, с. 82].

Женщинам приходилось разрабатывать разнообразные стратегии для преодоления патриархатных стереотипов, которые проявлялись как в виде сопротивления семье, так и в различных формах общественного противодействия. В рамках патриархатного дискурса выбор стратегий был обусловлен традицией, определявшей вторичность (уступчивость) женщины. И, соответственно, в большинстве случаев они отдавали предпочтение так называемым, примирительным стратегиям – «мужчину надо учить не судами, толку мало, а убеждением... У меня 4 детей. Прошлый год мне не раз от мужа попадало за собрания. И ругать, и бить собирался... А я решила своего добиться и работу продолжить. Он, видя то, что я с хозяйством справляюсь... И ему за меня делать не приходится, мало помалу стал лучше относиться. Мне приходилось не досыпать... Тут мой муж понял, что я не на шутку взялась за работу. Ну, мол, бабу не сдвинешь. Нынче он сам стал ходить со мной на разные собрания. Увидел, что ничего в этом плохого нет. И теперь я работаю членом сельсовета, а муж мой в Ревизионной комиссии... Не надо нам круто браться за разводы... Лучше на деле показывать, что мы работать можем и хотим» (из выступления активистки Несметьевой на Первом краевом съезде общественниц-крестьянок, 1926 год, г. Хабаровск) [15, д. 656, л. 12].

Социальная среда занимала в целом в отношении общественниц враждебную позицию, которая подкреплялась различными способами социального давления, распространением противоправных действий в отношении активисток, подвергавшихся насилию со стороны мужа, своих старших родственников, местных жителей. Так, член окружного исполнительного комитета – активистка Талюка из с. Харитоновка Шкотовского района (Приморский край) при избрании председателем сельского совета в своей управленческой деятельности «встречала недоброжелательное отношение со стороны мужской части села, поджигаемых со стороны зажиточных, но никакие меры не действовали на Талюку, неизвестно кем был сожжен в поле весь урожай хозяйства стоимостью 720 рублей». Запугивание и угрозы, подкрепленные уничтожением имущества, привели к отказу активистки от деятельности в управленческой сфере [14, д. 931, л. 70].

Многочисленные обращения активисток в секретариат наркомата просвещения РСФСР на имя Надежды Константиновны Крупской свидетельствовали о сохранении патриархатных традиций в бытовой сфере [5, д. 18, л. 166].

На съездах советов различных уровней общественницы указывали на то, что практика насилия в их отношении остается нормой. По свидетельству активистки Савченко из Владивостокского округа (Приморский край) мужа на селе все еще бьют жен, поэтому сами женщины не очень охотно идут в делегатки и в члены совета [15, д. 656, л. 5].

Советская публицистика содержит многочисленные свидетельства о транслировании мужчинами патриархатных социальных норм в рамках тоталитарного дискурса – «активист – общественник, распинающийся на собраниях и в защиту прав женщины, а дома по-свински третирующий свою жену и детей, – не активист, а лицемер и ханжа...» (из передовицы газеты «Правда», 26 июня 1935 года) [20, с. 49].

Историко-культурный анализ различных архивных источников, проведенный в данном исследовании, свидетельствует о том, что в силу определенной российской ментальности, а именно исторически сложившейся народной веры в «добраго царя», во всемогущество власти, женщины-общественницы регулярно обращались в местные и центральные инстанции для разрешения различных конфликтных ситуаций. В их представлении именно власть должна была способствовать преодолению возникающих проблем, проявившихся в виде пренебрежения, игнорирования и недоверия к людям, насильственных действий, как в общественной сфере, так и в семье.

В различных отчетах, докладах властью констатировалось практическое доминирование в советском обществе патриархатной ментальности, которая во многом определяла дискриминационные практики в отношении женского участия в управлении. Удивительно, но факт дискриминации женщин признавался властью имущими, в документах партийных учреждений различных уровней часто отмечалась необходимость устранения «грубого и резкого отношения к женскому активу со стороны мужского населения и работников» [15, д. 231, л. 5].

История тверской делегатки XIV съезда Советов, представляется показательной в деле инициированной властями борьбы активисток не столько с сущностью патриархатных стереотипов, сколько с их явным проявлением – «всячески донимали, называли бабкомиссаром, измывались... и только после настойчивой работы в течение года, когда ей удалось показать на деле результативность своей работы – отношение к ней изменилось, ее начали величать по имени и отчеству, относиться с должным уважением» [6, д. 161, л. 70].

Общественница должна была не только сочетать общественную активность и семейные обязанности, но и привлекать и втягивать в работу, подавая пример своей активностью, новые слои крестьянок [15, д. 656, л. 12]. Мужчина определялся в качестве примера для активисток, тем самым проявлялась ментальная установка на восприятие вторичной сущности женщины.

К тому же, по мнению представителей властных структур, с самой женщины нельзя снимать вины за неумение самостоятельно разрешить внутрисемейные и межличностные конфликты, которые были связаны с социальным противодействием. Влиятельная большевичка – агитатор Софья Николаевна Смилович в своих статьях приводила пример такого патриархатного конфликта – активистка «погубила» свою общественную карьеру из-за «неизжитых ею чувств» [16, с. 83]. Крестьянка из Устьманской волости (Воронежская губерния) Кавельева была членом сельского совета, где успешно отвечала за работу среди женщин – «она так много работала, чтобы помочь всем женщинам своего села, ходила на все собрания, бегала в совет за справкой для крестьянок, разъясняла им их права, читала им по вечерам журнал «Крестьянку»» [Там же]. Уровень развития карьеры активистки и степень мотивации участия в общественной деятельности были высокими – «общественная работа наполняет ее жизнь светом» [Там же, с. 84]. Однако именно муж, которого активистка «любила и мнением, которого она действительно дорожила», выступил в качестве основного препятствия для продолжения успешной карьеры общественницы. Ее муж, вернувшись с заработков, не смирился с таким очевидным изменением традиционного семейного уклада. При этом интересна и нетипична его стратегия «отлучения» жены от общественной деятельности в сельском совете – «не ругался, как это делают другие мужья, а просто стал сам не свой – не ел, не пил и ходил грустный, с нею не разговаривал». Попытки Кавельевой при помощи волостного организатора женработы доказать мужу, что она «занимается только хорошими делами», что ей необходима и важна общественная деятельность, оказались безуспешными. Данная история и подобные ей, тиражировались в идеологической литературе и несли серьезную смысловую нагрузку. Общество и активистки должны были осознать неправомерность личных предпочтений общественной необходимости [Там же].

Примирительные стратегии, предлагавшиеся властями в качестве выхода из конфликтных ситуаций, предусматривали сложное для практической реализации сочетание домашних обязанностей и общественной деятельности и, таким образом, демонстрировали сохранение патриархатных установок, служили способом приспособления гендерных стереотипов на уровне пролетарской идеологии.

Подобные стратегии предусматривали и незначительную корректировку традиционных гендерных ролей, не влиявшую на социальные нормы в гендерном дискурсе в целом. Так, среди анализируемых в данном исследовании «писем во власть» интересна назидательная история колхозников – супругов Кудриных из деревни Высокая Рамень (Горьковская область) – «при добросовестной, полюбленной заботе о домашнем хозяйстве и детях мы сумели распределить наше время так, чтобы кроме своей работы в колхозе уделять время и общественной работе... Во время моих отлучек все заботы о доме ложился на моего мужа, Ивана Платоновича. А забот этих было немало, ведь у нас пятеро ребят... Мы оба, муж и жена Кудрины, считаем, что мужьям нужно выбросить из головы старый предрассудок, что есть какая-то «бабья» работа, которую мужику зазорно делать...» [20, с. 64].

В целом тоталитарные властные установки в отношении женщин сохраняли традиционный патриархальный характер, не меняя онтологических оснований российской ментальности [17, с. 211].

Таким образом, гендерные стереотипы являлись мощнейшим способом выражения общественного недоверия в отношении эмансипаторских проектов. Социальное давление, в основе которых находились традиционные ментальные установки, препятствовало освоению активистками публичного пространства, мешало инициативному участию женщин в политико-правовых отношениях государства.

Итак, в онтологической системе функционирования гендерных стереотипов в русском обществе выделялось две основные стороны: власть и общество. Они, являясь трансляторами традиционных патриархальных установок, оказывали мощное влияние на противоречивые и длительные процессы формирования русской ментальности.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. К истории феминизма // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 153-168.
2. Балашова В. Н. Активизм женщин-крестьянок Верхневолжья в 1926-1932 годах // *Женщины. История. Общество: сб. научных трудов*. Тверь: ТГУ, 1999. Вып. 1. С. 79-82.
3. Брандт Г. «Почему вы не пишете? Пишите себя!» (Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме) // *Женщина. Гендер. Культура*. М.: МЦГИ, 1999. С. 83-97.
4. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-7279. Оп. 9.
6. ГАРФ. Ф. Р-6983. Оп. 1.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. М.: Художественная литература, 1989. URL: <http://enc-dic.com/rusproverb> (дата обращения: 26.03.2014).
8. Кирилина А. В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // *Теория и методология гендерных исследований*. М.: МЦГИ, Наука, 2001. С. 366-382.
9. Клецина И. С. Гендерная социализация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 92 с.
10. Козлова Н. Н. Женский вопрос в первые годы советской власти: На материалах Тверской губернии // *Женщины. История. Общество: сборник научных трудов*. Тверь: ТГУ, 1999. Вып. 1. С. 71-82.
11. Костикова А. А. Гендерные стереотипы культуры и языка // *Введение в гендерные исследования*. М.: МГУ, 2000. С. 183-192.
12. Костикова А. А. Постструктуралистская феминистская критика культуры // *Введение в гендерные исследования*. М.: МГУ, 2000. С. 185-190.
13. Кулик В. Н. Опыт работы тверской партийной организации среди трудящихся женщин (1918-1921) // *Местные организации КПСС в борьбе за победу социалистической революции и построение социализма (по материалам Нечернозёмного центра РСФСР)*. Тверь: ТГУ, 1990. С. 25-32.
14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2300. Оп. 1.
15. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4.
16. Смидович С. Н. Работница и крестьянка в Октябрьской революции. М. – Л.: Гос. изд-во, 1927. 148 с.
17. Титаренко Л. Г. Гендерные стереотипы // *Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко*. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
18. Успенская В. И. Стереотипы на пути женщин к лидерству // *Феминистская теория и практика: Восток-Запад: мат-лы международной науч.-практ. конф.* СПб., 1996. С. 25-32.
19. Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: Специфика российского опыта // *Женщина в Российском обществе*. 2001. № 3-4. С. 17-24.
20. Чекалин В. И. Любовь и семья. М.: Политиздат, 1966. 296 с.
21. Шайхмайкин А. М. Проблема лингвистического статуса категории рода // *Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония*. М.: МГУ, 1996. С. 226-273.
22. Штанякова Н. Р. Делегатские собрания и общественно-политическая деятельность женщин // *Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: мат-лы Всероссийской конф. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского*. Барнаул: Изд-во АЛГУ, 2002. С. 271-275.

ONTOLOGICAL PECULIARITIES OF GENDER STEREOTYPES IN THE RUSSIAN MENTALITY (ON THE BASIS OF HISTORICAL AND CULTURAL ANALYSIS)

Sazonova Lyudmila Alekseevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Vladivostok State University of Economics and Service
lyudmila.sazonova@vvsu.ru

Kovalenko Svetlana Vital'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Far Eastern Federal University
oval5@rambler.ru

The article reveals the conception of gender stereotypes in the context of the Russian mentality. Gender stereotypes are formed in society under the influence of sociocultural factors. Discursive practices serve as a mechanism for the influence on a human being. The authors pay special attention to the influence of patriarchal discourse on the formation of gender stereotypes in the Russian culture. The archival materials of the Russian State Historical Archive of the Far East and the State Archive of the Russian Federation are used as examples.

Key words and phrases: gender stereotypes; the Russian mentality; the Russian culture; patriarchal discourse; female emancipation.